ПОЛКОВНИК ЕЛИСЕЕВ

ЛАБИНЦЫ

И

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ

1920 г.

Группа Георгиевских кавалеров Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. и урядников-гвардейцев на льготе Конвоя Российских Императоров — Александра 2-го, Александра 3-го и Императора Николая 2-го — одной из станиц Кубанскаго Войска. Снимок 1914 года.

БРОШЮРА №...5...

Нью-Иорк. 1962 г.

Л А Б И Н Ц Ы

И

П О С Л Е Д Н И Е Д Н И Н А К У Б А Н И.

1920-й год.

/ брошюра № 5-й /

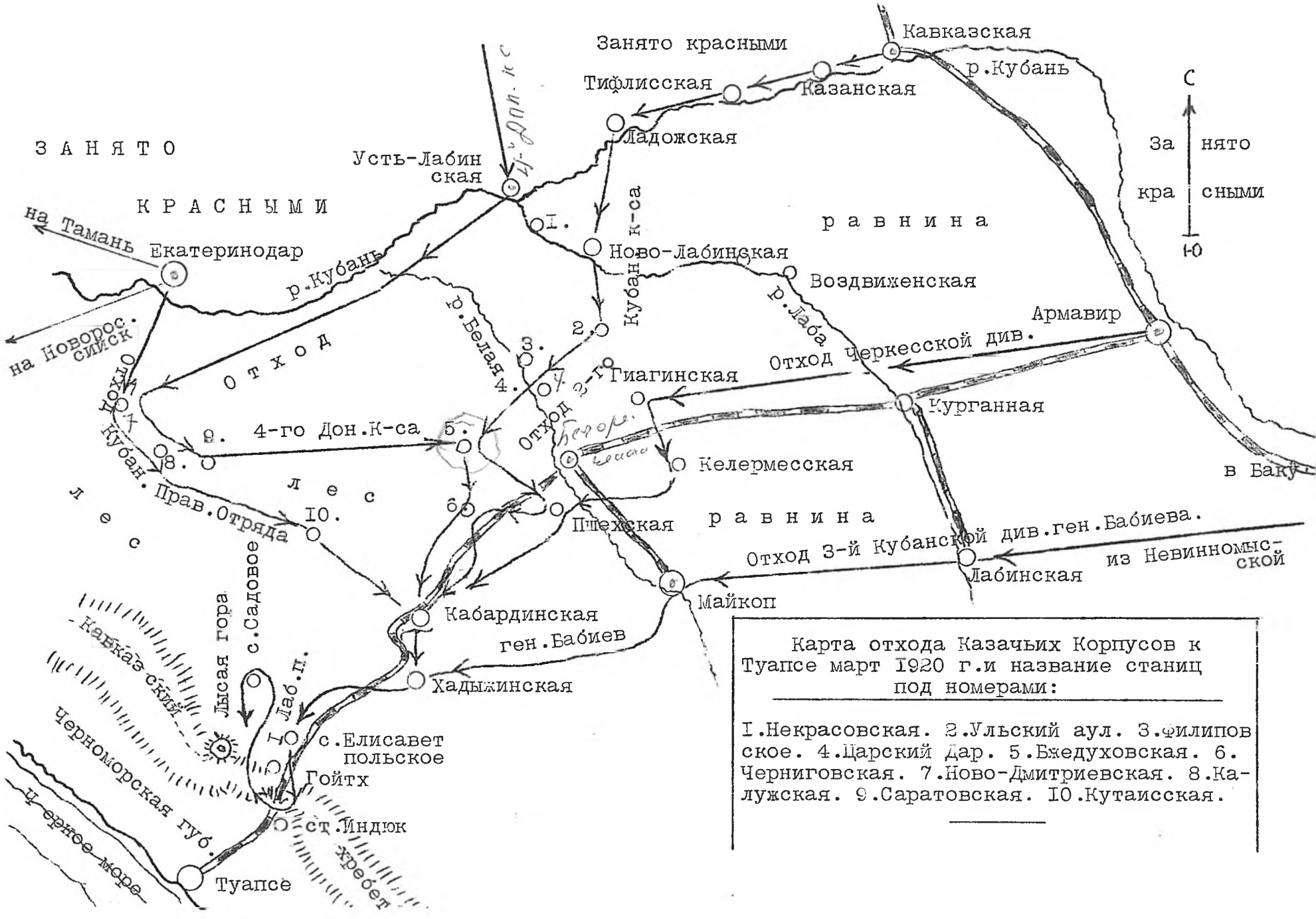
О Г Л А Л Е Н И Е:

1.- В станице Ново-Лабинской,
2.- За Лабой рекой...
3.- В Черкесском ауле,
4.- Пополнение 2-й Кубанской дивизии офицерами,
5.- Сестренка Надюша. Мои грустныя размышления...
6.- Делегат "от зеленых"...
7.- Почему казаки бывали "зелеными"?
8.- Боевые курьезы за рекой Белой..
9.- Полковник Шляхов. Разность мнений....
10.-4-й Донской казачий корпус.
11.-В станице Бжедуховской. Казачья семья.
12.-Неожиданный маршрут на Тамань...
13.-Какие корпуса отходили на Туапсе?
14.-Черкесская конная дивизия.
15.-Ч е р к е с ы у ж и н а ю т . . .
16.-В станице Черниговской. Двор Левка Дейнеги.
17.-Донской табун лошадей в станице Черниговской.
18.-В станице Кабардинской.Войсковой Штаб.Правительственный Отряд.
19.-В Хадыжинской станице.Генерал Бабиев.
20.-Калмыки-Дзюнгарцы. Начало голода...Одна встреча.
21.-4-й Донской казачий корпус отходит к Туапсе....
22.-Отходит туда-же и Черкесская конная дивизия...
23.-Военный и духовный Вождь черкесов.
24.-Ж у т к а я н о в о с т ь . . .

25.-Географическая карта Закубанья,с обозначение маршрута отхода 1-о,2-го,4-го Кубанских конных корпусов,4-го Донского казачьяго коннаго корпуса и Правительственнаго Отряда Кубанскаго Войска,с Войсковым Атаманом генералом Букретовым.

- . -

Цена брошюры 1 дол.Выписывать по адресу:
Mr. Th. Elyseev, 502 W. 177 St., Apt.1 C
New York 33, N.Y.

Карта отхода Казачьих Корпусов к Туапсе март 1920 г.и название станиц под номерами:

1.Некрасовская. 2.Ульский аул. 3.Филипповское. 4.Царский Дар. 5.Бжедуховская. 6. Черниговская. 7.Ново-Дмитриевская. 8.Калужская. 9.Саратовская. 10.Кутаисская.

Л А Б И Н Ц Ы

И

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ. 1920-й год.

/ брошюра № 5-й /.

В СТАНИЦЕ НОВО-ЛАБИНСКОЙ.

5-го марта 1920 года,2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко, выступил в напрвлении станицы Ново-Лабинской.С противником соприкрсновение было утеряно.Черкесский аул остался позади нас.Полки корпуса шли спокойнр к югу.

По пути,вправо от нас, какия-то части,вели бой.Потом мы увидели,как одна конная часть человек в 200-ти,разомкнутым строем,широким наметом,понеслась в атаку прямо на запад,к гаю леса.Потом говорили,что это были казаки Некрасовской станицы.

НЕБОЛЬШОЕ НО ИНТЕРЕСНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ:

"4-го марта 1920 года,когда корпус генерала Науменко вошел в станицу Ладожскую - мы,Некрасовцы,в том числе и я,прибыли в эту станицу,которая была переполнена казаками.Мы решили оставить Ладожскую и тронулись в станицу Усть-Лабинскую,которая находилась в 7-ми верстах от нашей,Некрасовской станицы.Прибыли с разсветом в нашу станицу,где пробыли один день и 6-го марта,до 200 казаков,во главе с есаулом Збронским - двинулись на юг и,за рекой Лабой - влились в Корниловский конный полк и находились в нем до капитуляции Кубанской армии.

Когда я прочитал Вашу брошюру № 4-й,на 29-й странице - все это напомнило мне о былом и я пожелал поделиться с Вами".

Так написал мне подхорунжий И.Г.Васильев в письме от 7-го апреля сего года,проживающий недалеко от Нью-Йорка.

И.Г.Васильев - кадровый взводный урядник мирнаго времени 1-й Кубанской пластунской бригады генерала Пржевальскаго,георгиевский кавалер трех степеней 1-й Великой войны 1914-17гг.

Это маленькое дополнение вносит похвалу Некрасовским казакам,что бы отметить ее на страницах Войсковой скрижали.Писали-бы и другие казаки и от этих "маленьких заметок" - современем,создалась-бы доподлинная История борьбы Кубанскаго Войска тех грозных жестоких и трагических лет.

Это,видимо,они пошли так молодецки в конную атаку на красных на наших глазах,в районе своей станицы,со своим храбрым есаулом Збронским,нашим старым Корниловцем и потом,сотенным командиром во 2-м Кубанском Партизанском полку,своего станичника,полковника Соламахина,корпуса генерала Шкуро,"от Воронежа и до Кубани!" Мы,тогда,отступали вместе,находясь в рядах 1-й Кавказской казачьей дивизии,о чем уже писалось.

- . -

Было сыро в природе.Стояла жидкая грязь.К обеду времени,наш корпус вошел в Ново-Лабинскую Закубанскаго района.

Как непохожа была эта маленькая станица на наши большия,что остались на том,правом,берегу Родной Кубани!Бедность казаков сквозила во всем.

Редко попадались дома "под жестью".Бедныя постройки.Во дворах мало амбаров.Непросохшая грязь - еще более сгущала непрезентабельность станицы и толкала душу на грустныя размышления.

В своей квартире слышу зурну,тулумбас,тарелки и лихую,с зычным подголоском,казачью песню.Быстро выскакиваю на крыльцо и вижу небольшую колону конных казаков в черкесках и с красными башлыками за плечами.Они пели какую-то веселую песню и чисто "по-линейски" - образно и сноровисто,словно мы и не отступаем "в неизвестность".Меня это удивило.Даже в моем 1-м Лабинском полку,после сдачи Кавказской - уже не слышно было песен.Как это случилось - незнаю.Безусловно - произошел психологический перелом в умах всех;и уж и сами командиры - невызывали,как бывало,бодрящим возгласом-"Песенники наперед!"

Потом казаки-ординарцы говорили,что - "То прошли Шкуринцы"....Но,мне казалось,что то проходили сотни 1-го Линейнаго полка."Шкуринцев",как таковых - тогда в том районе не было.1-й и 2-й Кубанские Партизанские конные полки были расформированы при мне еще в станице Невинномысской,по нашем приходе-отходе "От Воронежа".. а 1-й и 2-й Хоперские полки,как основные "Шкуринцы" - находились в это время в 3-ей Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева,отступавшаго по маршруту Ставрополь-Невинномысская-Майкоп.

З А Л А Б О Й Р Е К О Й....

С утра 6-го марта - красные появились в виду станицы.Это было неожиданно.Корпус немедленно снялся,перешел Лабу и двинулся на юг,в черкесские аулы.1-му Лабинскому полку приказано было быть в арьергарде и,перейдя Лабу - охранять переправы через нее.

Капитальный чугунный мост краснаго цвета через Лабу - был уже взорван кем-то и до нас.Он,всею своею тяжестью,как-то безпомощно,осел в воду только в южной своей оконечности,но не потерял своего вида.По небольшим каменьям и галышам - полк прошел реку вброд,глубина воды котораго доходила до животов лошадей.Без затруднений прошли вброд все пулеметныя и санитарныя линейки.

Правый берег Лабы здесь был высок,а левый - сплошная луговая сырая равнина,проросшая камышем и кустарниками.

До обеденнаго времени было спокойно.Красные,видимо,сосредотачивались. Неожиданно затрещал ружейный и пулеметный огонь с их высокаго берега,который становился нетерпим..Вдруг с главнаго участка сорвалась 4-я сотня умнаго и доблестнаго есаула Сахно и разсыпанным строем,широкой рысью, пошла на юг,подгоняемая уже шрапнельными разрывами.

Сбив сотню с главнаго участка - красные перенесли свой огонь уж на весь полк.Сопротивляться было и нечем и безполезно.При полку не было артиллерии и стрелять по своей-же казачьей станице,где засели красные - было недопустимо.Красные били нас артиллерийским огнем сверху,а казаки, как перепелки,прижавшись на окраинах пролесков,ждали,когда шрапнель противника,стукнет окончательно "по-макушкам"...

Начались потери в людях.4-я сотня оставила труп убитаго казака,не имея возможности подобрать его.И потеряв охрану главной переправы - полк лавами,широкой рысью,пошел на юго-запад,подгоняемый шрапнельным огнем почти прямою наводкою.

Навстречу полку,по дороге,скачет небольшая группа всадников.Потом она остановилась.От нея отделился один человек и скачет нам навстречу.В нем я узнал генерала Науменко.Он в одной гимнастерке.

"Храбрые Лабинцы-ы!...НЕ ОТСТУПА-АТЬ!.. Вперед за мною-у!" -выкрикнул он.

"Почему Вы отступаете,Елисеев?!... Вперед!...Надо удержать равнину перед аулами!" - говорит он мне.

Я ему четко докладываю,что красные разстреливали полк сверху как хотели... и единственное спасение было - отойти назад.

В это время,на широких рысях,подошел начальник штаба корпуса,полковник Егоров с несколькими ординарцами и,как-то загадочно посмотрев на меня - обратился к генералу со следующими словами:

"Вячеслав Григорьевич... поедемте назад...Пусть Елисеев тут сам распоряжается.Да и обед наш еще незакончен"...

К моему удивлению - генерал сразу-же согласился с доводами Егорова, громко поблагодарил "Славных Лабинцев за боевую работу" и - все они,наметом пошли назад,к аулам.

Сбив нас на переправах и отбросив от них - красные не пошли за нами в полуболотистую равнину и я,с арьергардным полком,простояв пол-дня под их артиллерийским огнем - отошел в Ульский аул.

- . -

Об этих днях пишет мне 8 апреля сего года коренной Лабинец,Мих.Гр. Енин,казак станицы Урупской,следующее:

"Брошюру № 4-й получил и всю ее прочитал,и всего этого - я участник. Плыть через Кубань мне не пришлось,потому,что я переходил ее через мост с пулеметами.Перейдя на левый берег,там был камыш и там мы залегли.Большевики нас заметили и стали обстреливать из артиллерии и рядом со мною был убит казак стаканом от шрапнели и этим-же стаканом была убита лошадь под другим казаком.Имена их не помню.После этого,мы пошли на Царский Дар. Помните-ли это?" - заканчивает Енин.

Здесь Енин путает.Этот бой происходил на левом берегу Лабы,как я описываю,но не на левом берегу Кубани.Там боя не было.

"А помните-ли бой под селом Садовая",добавляет он.Отвечаю: - отлично помню и это будет описано.

Письмо это,от 8 апреля сего года,заканчивается так: - "Много можно говорить,но письмо малое.Но славный мой 1-й Лабинский полк был один из храбрых и переносил на своих плечах великия тяжести и без ропота.Мы были молоды тогда и своих предков,мы не посрамили.Мы делали все,что было в наших сидах и,даже,больше.Царство небесное храбро погибшим за Край Родной и честь и слава еще живущим"

Следует его подпись:

1-го Лабинскаго полка,подхорунжий Михаил Енин.

8 апреля 1963г.г.Кортланд.Штат Нью-Йорк.

В настоящее время подхорунжий Енин числится в рядах Кубанскаго гвардейскаго дивизиона.Тогда ему было 20 лет от рождения.В своем полку он был безотлучно,начиная со Св.Креста в 1918 году,о чем и сообщает.

Только единицы остались в живых от храбрых....И эта есть радость.

В ЧЕРКЕССКОМ АУЛЕ.

Свернувшись в колону - полк вошел в аул Ульский,иль иной по названию - не помню.Меня всегда прельщали к себе черкесские аулы какою-то своею мусульманской таинственностью и,обязательно,суровостью,замкнутостью.

Вот и этот аул.Перейдя болотистую реченку,притов Лабы,мы сразу-же вступили в аул,скученно расположенный на пуповидной небольшой возвышенности.Слева - высокий глинобитный дом со многими узкими окнами на север, словно бойницами,из которых выглядывали на казаков черные глаза многих женщин и подростков.На уличках ни души.Полку приказано пробыть здесь до вечера и потом присоединиться к корпусу,который сосредоточится в крестьянских селах Филипповском и Царский Дар.

Выставив сторожевое охранение - полк отдыхает по квартирам.Вдруг является ко мне командир 2-й сотни сотник Луценко и безпокойно докладывает,что его сотня "смущена"... Казаки хотят поехать в свои станицы,что бы попрощаться с родителями,со своими семьями.Он просит моего личнаго воздействия на казаков,иначе - некоторые казаки могут покинуть строй...

Я не верю своим ушам и посылаю ординарцев,что бы полк немедленно-же построился в конном строю.

Мое сердце приятно успокоилось,когда я увидел,что на небольшой бугорчатой аульной площади - сотни полка были в полном составе.Смущена была только 2-я сотня.Несколько казаков,все-же,покинули строй ея,уехали до-мой,- "что-бы в последний раз повидаться с семьями и потом вернуться в полк",как доложили они своему сотенному командиру.

Никого и ничего не спрашивая - говорю всему полку,что: - "Как-бы не хотелось казакам пройти по своим станицам и в последний раз повидать свои семьи - по маршруту - это сделать невозможно...И Вы,мои дорогие и храбрые Лабинцы - до конца оставайтесь такими-же стойкими и послушными воинской дисциплине,как были до сих пор." - закончил я.

Это подействовало.Никто и ничего не спросил из строя.Но потом,мои помощники,полковник Булавинов,войсковой старшина Ткаченко и командир 4-й сотни,как самый старший из сотенных командиров,и самый авторитетный из них - придя ко мне,доложили,что:- "

/есаул Сахно/

"Этот бой,за Лабой,такой безпомощный,без артиллерии,когда красные разстреливали казаков со своего высокаго берега - очень неприятное и тяжелое впечатление произвел на всех".

Они подчеркнули мне,что: - "Если мы идем в Грузию,то зачем-же вести ненужные бои и терять в боях людей?...Надо "оторваться" от противника и идти к намеченной цели" - закончили они.И просили об этом довести до сведения командира корпуса.

Я и сам так понимал,почему,при первой же встрече с генералом Науменко - доложил об этом.

"Да,конечно,Елисеев - Вы правы.... но мы должны считаться с общим фронтом,поэтому и задерживаемся на намеченых рубежах" - спокойно,как-то с грустью,закончил он свои слова.

- . -

Когда полк собирался к выступлению - на площади аула появились несколько стариков-черкесов.Вид их был грустный.Они явно боялись прихода красных.

Один черкес лет 35-40-а,в белом бешмете и при кинжале,с черной густой подстриженой бородой,общим своим видом очень нарядный - к длинной сучковатой разлатистой терновой жердине - привязывал небольшое белое полотнище.К нему под,ехал сотник Луценко и отобрал револьвер.Я это увидел.

"Зачем Вы это сделали?" - спрашиваю его с упреком.

"Да как-же,господин полковник!... он привязывает белый флаг,что-бы мирно встретить большевиков!.. вот за это,я и отобрал револьвер",отвечает

Самыми непримиримыми врагами к красным на Кубани - это были наши черкесы.Это все знали.Знал и я,почему твердо и определенно говорю сотку Луценко:

"И все-же - Вы верните револьвер черкесу... Пусть лучше у него отберут оружие красные и сделают из него еще большаго врага... но нам,покидая аул,слышать проклятия казакам-соседям от гордых и благородных черкесов - недопустимо.."

Выслушав это - Луценко,с седла,бросил револьвер в сторону этого наряднаго черкеса.Тот его поднял и приложив правую руку к сердцу - низко поклонился мне.

ПОПОЛНЕНИЕ 2-й ДИВИЗИИ ОФИЦЕРАМИ.

Филипповские хутора и Царский Дар переполнены войсковыми частями.Сюда,видимо из Майкопа,прибыл в корпус командир Кубанской бригады полковник Шляхов и,как старший в чине,назначен вр.командующий 2-й дивизией. Я вернулся в свой полк.

Прибыл из своей Гиагинской станицы законный командир 1-го Кубанскаго полка полковник Афанасий Иванович Кравченко,мой старый друг по Оренбурскому казачьему училищу,и вступил в командсвание своим полком.

В командование 2-м Кубанским полком вступил полковник Гетманов Иван, казак станицы Николаевской Лабинскаго Отдела.Он окончил наше-же Оренбурское училище в 1908-м году,когда оно было "юнкерским".Генерал Михаил Демьянович Гетманов,проживающий недалеко от Нью-Йорка,как-то сказал мне что это его двоюродный брат.

В станице Ладожской,влились в свой 1-й Лабинский полк,братья Калашниковы,есаул и сотник.Оба они были учители.Умные и словоохотливые,братья были приятны в разговорах.Старшие офицеры-лабинцы встретили их очень приветливо,как старых сослуживцев.Богатых родителей станицы Ладожской - они захватили с собою большие запасы всего с,естного и,даже,кадки пчелиго меда из своей пасеки.

Все это мне очень понравилось,как усиление рядов корпуса.

СЕСТРЕНКА НАДЮША. МОИ ГРУСТНЫЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ.

В моей душе происходят внутренния неприятности.Во 1-х - я и здесь,в центре сосредоточения всего корпуса,не нашел своей полковой тачанки с ад,ютантом сотником Сережей Севостяновым,где находились все мои вещи.И весь мой "командирский багаж",заключался лишь в том - что было на мне, т.е. - пара белья,бешмет,черкеска и - ничего больше...

Во 2-х - со мною,так-же верхом на лошади,была сестренка Надюша.Я считал,что она совершенно напрасно уехала из дому,а не осталась с безпомощными там - бабушкой,матерью и двумя подростками-сестренками.Как хорошо грамотная и бойкая барышня - она была крайне нербходима оставшейся женской половине нашей семьи,в эти,столь для них трагические дни.

Оставить ее одну в станице,иль в этих мужичьих селах - было опасно. И я решил отправить ее в Майкоп,в дивное и многочисленное семейство Париновых,у котрых наша группа учеников-техников Кавказцев,жили на полном пансионе.

Написав письмо нашей тогдашней "строгой наставнице"Степаниде Павловне,учительнице и их старшей дочери,прося временно принять надю - получил немедленно ответ: - "Наш дом,для тебя Федя,и твоих родных - всегда открыт".

Я был очень рад этаковому исходу и об,явил его Надюше.И каково было мое удивление,когда она заплакала от этого.

"Почему?!... почему ты плачешь Надюша?...ты едешь в Майкоп как в свой дом... люди они хорошие...переждешь там несколько дней,пока красные утихомирятся и потом вернешся в Кавказскую... ты там нужна всем,в особенности маме и бабушке",говорю ей.

У нас в семье,слова старшаго брата,являлись для младших "законом".И умная Надюша это отлично знала.И то,что я находил естественным - она хотя и понимала,но я ее непонимал тогда.

Впечатлительная барышня - она,после разстрела нашего отца - с жутью вспоминала красных и смертельно боялась их.Но все-же,раз говорит старший брат - это надо выполнить.Она молча,с горючими слезами стала собираться в от,езд...

Об этом узнали офицеры полка.Все те-же авторитеты - Булавинов,Ткаченко и Сахно - приступили ко мне исключительно активно:

"Федор Иванович - да что-же Вы делаете?...Куда Вы отправляете Надюшу?... барышню,одинокую...ее,ведь,каждый может обидеть! Позвольте Вас просить оставить ее в полку! Мы сами будем следить за ней,если она Вам в тягость!"- как-то с жалостью говорили они."Она будет наша полковая дочь" - закончили они.

В особенности активен был войсковой старшина Ткаченко,человек по-натуре суровый,но его серо-голубые глаза,всегда так ярко выражали его душевныя переживания.

Должен и еще раз подчеркнуть,что эти три офицера,были настолько серьезны,разсудительны и всегда тактичны со мною,хотя летами и старше меня,и были так преданы интересам полка и воинскому долгу - как редко можно было встретить тогда.К тому-же,они были все очень хорошо воспитаны.Теперь, после "многих бурь" заграницей,и понижения благородства в людях,недоброжелательства,даже,и среди былого братскаго казачества между собою - эти три офицера 1-го Лабинскаго полка,являются исключительным примером.

"Да совсем Надюша мне не в тягость!"отвечаю им. "Я только думаю о своей семье,что осталась в станице. Да и ей,в горах.... что нас там ждет?- мы не знаем" - урезониваю их,моих лучших офицеров полка и искренних друзей.

"Но Вы так,господа,активно просите меня,что я - сдаюсь...Надюша!...ты останешься со мною" - говорю ей и она,моя милая сестренка,на 10 лет младше меня - сквозь свои девичьи ясныя слезыньки - уже мягко и радостно улыбается и благодарит меня.И что-бы зафиксировать это свое точное решение - - при них обнял ее и поцеловал в лобик.

Безобидное и неиспорченое дитя.К вечеру она уже поет и помогает хозяюшке накрывать нам,штабу полка,стол.

Милое дитя!.. кто-бы мог знать,иль подумать - какая жестокая доля ожидает ее "после нашего похода в горы"....

ДЕЛЕГАТ ОТ ЗЕЛЕНЫХ...

В районе Филипповских хуторов и Царский Дар - была дневка корпуса.Эти села были сильно красные еще с 1918-года.О положении общаго нашего фронта - мы ничего не знали.Пронесся слух,что,что где-то по-соседству с этими

селами - появились "зеленые крестьяне". Они, даже, прислали письмо казакам - "что-бы они бросили своих офицеров и перешли к ним". Мы над этим только посмеялись в своем полковом штабе.

Стояла жидкая весенняя грязь, но было тепло. 1-й Лабинский полк, для выступления, выстроился на широкой улице. Крупной рысью под, езжаю к нему с леваго фланга и вижу - стоит перед фланговым взводом фигура в рваном картузе, в тужурке, в сапогах, с винтовкой через левое плечо/не по-казачьи/

Под ним захудалый кабардинец с казачьим седлом. После встречной "команды" полковника Булавина - спрашиваю его: - "А это кто такой?"

"А делегат от зеленых... приехал за казаками", вдруг спокойно отвечает он, словно к полку присоединился приблудный жеребенок....

Бросаю Булавина и строго спрашиваю этого мужика, лет 35-40-а:

"Ты кто таков?.... почему ты здесь?"

"Та я прибыл з лесу... от зеленых... нам сказали, што казаки сдадутца ежели хто приедет до них. Вот меня и послали"...совершенно спокойно отвечает он, совершенно простой мужиченка, как-бы с придурью.

"Какой полк?.. Лабинский'...Какие казаки хотят перейти к Вам?" закидываю я его ехидными и злыми вопросами.

"Та я незнаю - говорили што казаки, а какие ани - не знаю", отвечает он уже с робостью.

-Василий Диденко-

Мой штаб-трубач, умняга и молодецкий старый казак - уже сорвал с него винтовку, а казаки смеются из строя на слова "этого делегата от зеленых" - но мне это совершенно не нравится.

"Как он мог проехать сторожевое охранение? Да еще вооруженный? Почему он здесь, перед полком?" - наскочил я на полковника Булавина, своего старшаго помощника и моего заместителя.

"А чорт его знает - откуда он появился", вдруг спокойно отвечает остро умный Булавинов и добавляет - "Да я и сам его только что увидел"...

Получился некоторый "фарс" и мы оба уж улыбаемся. Не придав этому никакого значения - отправляю "делегата" в штаб дивизи.

Стыжу и весь строй, что мне, командиру полка, пришлось разговаривать с какою-то "анчуткою"-делегатом... и никто не поинтересовался - "а почему и кто этот человек здесь - верхом, в картузе и с винтовкой за плечами?"

Конечно, все мои слова отнесились к обоим помощникам, ко всем сотенным командирам. Но все потом уверяли, что они его, этого делегата, и не видели раньше.

"Так тем хуже для Вас, господа!" говорю им. "Вы допустили его до непосредственнаго общения с казаками!... а яд, ведь, разлагает!" - закончил им.

Все соглашаются с этим и искренне возмущены смелостью этого "делегата от зеленых", прибывших в расположение корпуса.

1-й Лабинский полк вновь назначен в арьергард при переходе реки Белой. Я настороже: - чорт его знает - может быть их тут, подобных делегатов, много? Может быть они только и ждут - когда мы тронемся - откроют по полку огонь со всех кустов? Но - все обошлось благополучно. По дырявому настилу моста через Белую - полк перешел ее и занял позиции на левом ея берегу, минировав мост. Здесь были уже густые пролески и оба берега реки были пологи.

ПОЧЕМУ КАЗАКИ БЫВАЛИ "ЗЕЛЕНЫМИ"?

В ст. Ново-Лабинской, генерал Науменко вызвал меня к себе. Из станичнаго

правления,он будет говорить с есаулом станицы Воздвиженской,начальником местнаго гарнизона,который задержал корпусной обоз,решил не идти в горы и ждать красных.Меня он вызвал,что-бы я слышал весь разговор,намекнув, что может быть туда придется послать 1-й Лабинский полк.

В разговоре с этим есаулом,генерал Науменко говорил начальствующим тоном,пугал репрессиями,но этим еще более обоздил есаула.

Есаул уверял,что его казаки совершенно не красные.Они,просто,устали воевать и считают - уход в горы безполезным.И остаются в своей станице потому лишь,что-бы "сгладить" могущия быть репрессии красных над станицею,о чем просили его старики и он,есаул - сам сознательно идет на эту жертву.

Этак он ответил Науменку,когда последний пристыдил его,что они "потеряли казачью честь и предают Кубань".

На эти слова,со стороны есаула,получился еще не меньший философский ответ,что - "Предают Кубань те,кто бросает свои станицы,бросают свои семьи на произвол судьбы,а сами уходят в горы... А он,есаул,местный житель - жертвует собою для спасения станицы.Но - зная лично генерала Науменка,и уважая его - он отпускает корпусной обоз" - закончил он.

Фамилию и судьбу этого есаула я не знаю,но,конечно,он ошибался в своих выводах.

БОЕВЫЕ КУРЬЕЗЫ ЗА РЕКОЙ БЕЛОЙ..... .

Заняв многочисленные лесные бугорки на левом берегу реки - Лабинский полк ждал красных.К нему была придана артиллерия,расположившись на позиции позади полка.

Красная конная лава приближалась с севера.Оказалось,что Партизанский отряд полковника Польского,еще не переправился с нами.Дружным махом из села,он опрокинув красную конницу - стал отступать к мосту.Лава красных двинулась вслед за казаками.Какой-то казак отряда Польского,повернув сво его коня обратно, и что-то выкрикивая,с обнаженною шашкою поскакал в сто рону красных и скрылся в мачежынниках.Назад он не вернулся....

И лишь только партизаны перешли мост,как к нему устремилась,с востока новая конная группа красных.Подпустив ее к мосту - махнул рукой казаку-подрывнику "нажать кнопку"....Клуб дыма,щепок и воды взвился в высь.Пулеметы есаула Сапунова тут-же "заговорили" во всю свою мощь.Красные в полном безпорядке бросились назад и скрылись в селе.

Видим,с севера движутся к мосту какия-то линейки и небольшая конная группа.

"Приготовиться!" командую пулеметам и - ждем.Ждем и видим: - колона тихо,совершенно не боясь нас,идет к мосту.В бинокль вижу казаков,"настоящих казаков".А кто они? - незнаю.

"Господин полковник!- да,ведь,это,кажется наши!" - восклицает один из ординарцев.

Я напрягаюсь разсматривать их в бинокль.Колона подходит к самому мосту и останавливается,т.к.он взорван.Они машут нам руками,прося помощи. В них мы опознаем "своих".

Посылаю вброд несколько казаков и они помогают переправиться им к нам.То оказались санитарныя летучки одной из наших дивизий,где-то задержавшиеся своим выступлением в поход.Я пожурил их за медлительность и немедленно-же отправил в тыл.

Спустя может быть один час времени - со стороны Филиповских хуторов, к Царскому Дару,показалась новая конная группа человек в 500.Она шла спокойной рысью во взводной колоне,словно неторопясь.Наша артиллерия немедленно-же открыла по ней шрапнельный огонь.Это для красных было полной

неожиданностью.Их начальник,быстро построил свои эскадроны в развернутый двухшереножный строй.Их было четыре.И вся эта конница,видимо полк, очень стройно,широким наметом,бросилась в селу.Развернутые эскадроны в двухшереножном строе,с дистанцией меж ними,приблизительно,двух взводов, под п р я м ым фланговым огнем нашей артиллерии,должен подчеркнуть,совершенно были не разстроены и держа правильный строй - неслись к селу. Меня это удивило и восхитило,т.к.мы привыкли видеть в красной армии, лишь,"один непорядок",как нам казалось;но в данном случае,шла настоящая регулярная кавалерия,силою в полк четырех-эскадроннаго состава.И главное - очень близко от нас.Наша артиллерия открыла по ним очень частый огонь.Шрапнельные снаряды так удачно рвались над их головами.Огонь казался очень удачным.Эскадроны развили широчайший намет и скрылись за постройками восточнее села.

К моему удивлению,по пути их скачки,т.е. - в пройденном пространстве - не осталось,ни убитых,ни раненых,даже и лошадей.И я об этом очень досадывал,что никого из красных кавалеристов не было убито.... А что они были такие-же люди как и мы - я об этом тогда не думал.Мне было-бы очень приятно,если бы наши шрапнещьные разрывы - убили бы их много,много...

Такова психология войны: - они наши враги и их надо убивать...

ПОЛКОВНИК ШЛЯХОВ./Разность мнений.../

День "боевых курьезов" на реке Белой закончился.Дивизия идет к хутору Ерыгина,что перед станицей Бжедуховской.Полковник Шляхов попросил меня идти рядом с ним и генералом Арпсгофен,что-бы ближе познакомиться,и со мною и с состоянием дивизии.

Полковника Шляхова я совершенно не знал.Он старый офицер.Ему не менее сорока лет.Он блондин,с сухими правильными чертами лица.Он,словно уставший от чего-то.Его,кажется,не волнует ничто. И на все он смотрит философски.О своей внешности,о своей посадке в седле,как идет его лошадь - он мало интересуется.Ведет свою лошадь на распущеном поводе,вернее он ею не управляет.Все это не по-нашему,ни по-Бабиевски.

Он кадровый офицер 1-го Линейнаго полка и с восторгом отзывается о своих бывших командирах,генеральнаго штаба полковнике Кокунька и полковнике Певневе.Кокунька-/в те наши годы/-генерал-лейтенант,бывший Атаман Ейскаго Отдела,за границей Хранитель Войсковых Регалий,умерший в Юго-Славии,в Мафусаиловском возрасте.

С восторгом он отзывается и о своем полку,всегда хорошо обученном, нарядно одетом,гиковым и,даже,тонном.И рассказывает:

"Полк был на больших маневрах Киевскаго военнаго Округа,которым руководили тогда большия знаменитости,как генерал Драгомиров,Сухомлинов и др,высшие генералы Российской армии.Кавалеристы посмотрели на нас казаков "свысока", как на конницу второго сорта.Но когда приходилось скакать полку по всевозможным буеракам и вплавь переправляться через реки - все они удивились прыти,сноровки и напористости казаков и прониклись уважением к нашему 1-му Линейному полку. А когда после маневров,полк в черкесках,с красными башлыками за плечами и с песнями показался на улицах Воронежа - восторгу жителей не было конца.

А вечером,когда наши офицеры появились на званном балу - все в черкесках и,кроме бальных танцев,некоторые из нас пронеслись "в лезгинке" - дамский Воронеж окончательно был побежден казаками."

В разговоре-рассказе он оживился.И рассказ его был так складен и так приятен - который я слушал с интересом. К тому-же - он был хорошо воспитан.Генерал Арпсгофен,слушая его рассказ - молчал.

РАЗНОСТЬ МНЕНИЙ...

В походе аллюра "шагом" - когда становилось скучно - разговор невольно перешел на политику. И вдруг я слышу от полковника Шляхова - с какою ненавистью он относится к Кубанской Краевой Раде. И считает ее единственной виновницей нашего поражения. И жалеет, что ее давно "не разогнали"...

"А теперь, в горах - обязательно разгоним" - говорит он, Я высказал ему свое мнение, которое расходилось с его.

"Так Вы, значить, считаете, что землю у помещиков надо отобрать?.. Отобрать и офицерские участки?" - вдруг спрашивает он меня, оживившись.

"Конечно"...ответил коротко ему.

Начальник штаба дивизии, генерал Арпсгофен, все время молчавший до этого - заговорил "о заблуждении Федор Ивановича", как он всегда меня называл. И разсказывает, что: -

"У меня в Австрии живет родная сестра. Она имеет 25 тысяч десятин земли, которая культивирована и... не то что у русских крестьян. По окончании войны - я поеду к сестре и буду заниматься там хозяйством."

Выслушав все это, я и подумал - почему подобные офицеры так неуважительно относятся к казаку-земледельцу и его народному Представительству.

Казак рвется к своему 8-ми десятинному паю земли в станице, который он уже оставил красным вместе со своей семьей и хозяйством и томится душею: -куда-же я иду?...зачем?...на сколько времени?...когда-же я вернусь домой?..на эту свою восьми-десятинную пашню... к семье, к жене, к детишкам?... А его начальник штаба дивизии, "уже решил" ехать в Австрию, к сестре, у которой 25.000 десятин культированной земли.

Конечно, при таком положении, у этих лиц, должны быть совершенно разностные интересы.

4-й ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ КОРПУС.

От 1-го Лабинскаго полка приказано оставить одну сотню с пулеметами в сторожевом охранении и со всем полком присоединиться к корпусу, сосредоточенному у х. Ерыгина.

Генерал Науменко любил со мною говорить. Мы гуляем в стороне и делимся впечатлениями о событиях дня.

Неожиданно, далеко от нас, чуть к северо-западу, показалась громаднейшая темная масса конницы. Мы невольно устремили свои взоры в ту сторону. Чья это конница - наша иль красная - было неизвестно. Из какой-то низины показался раз, езд коней в десять. Вид их был не Кубанский. Все они на крупных лошадях, одеты в шубы иль шинели. Мы догадались, что это Донцы.

Раз, езд остановился, спешился, а к нам следовало два всадника. Недоходя шагов 20 до нас - спешились и они. Один остался с лошадьми, в другой направился к нам. Одет он был в темно-синие бриджи с широким красным лампачом, в фуражке, в гимнастерке, поверх которой была меховая тужурка. На нем хорошего качества боксовые сапоги.

"Где будет командир 2-го Кубанскаго коннаго корпуса, генерал Науменко?" - спрашивает он, легко, привычно, и чисто по-офицерски, козырнув нам.

"Я и есть генерал Науменко", серьезно разсматривая прибывшаго, отвечает он.

"Ваше Превосходительство, сотник Попов, от 4-го Донского корпуса, для связи прибыл" - отрапортовал он, приложив руку к козырьку фуражки.

"Разскажите - где Ваш корпус и как он попал сюда?" сразу-же спросил генерал, поздоровавшись с ним за-руку.

Сотник Попов был грустный,но приятный,и лицом и манерами.Он доложил, что корпус их был отрезан от Донской армии и вынужден был отступать уж не на Новороссийск,а вот сюда,на Туапсе.И он прислан для связи с Кубанскими частями и для ориентировки.

"Как настроение в корпусе?"- спрашивает генерал Науменко.
Сотник долгим взглядом посмотрел в глаза Науменка и тихо произнес только одно слово:
"Н е в а ж н о е"...
"А численность его?"допытывается генерал.
"Численность большая",спокойно,но грустно отвечает офицер и сделав паузу - произнес: - всемнадцать тысяч коней... но воевать корпус уже не может" - печально закончил он.

Мне было очень жаль этого очень приятнаго Донского сотника,видимо так тяжело переживающаго трагедию Армии и своего 4-го Мамантовского корпуса.Своею искренностью,он подкупил и генерала Науменка.
Сотник еще доложил,что ночевать корпус будет в станице Бжедуховской.

- о -

Численность 4-го Донского корпуса,мне тогда,показалась,сильно преувеличенной.Но вот что о нем пишет Г.Н.Раковский,в своей книге "В Стане Белых"Константинопль,1920год:

"Донская армия была разрезана на две части.От главной массы был отрезан лучший и самый многочисленый "Мамантовский" 4-й корпус"/стр.196./.

Этим корпусом тогда командовал генерал Стариков,который разсказывал Г.Н.Раковскому,что:

"Ввиду этого,мне ничего не оставалось,как отходить горными проходами прямо на Туапсе вместе с Кубанской армией.
В корпусе у меня насчитывалось свыше семнадцати тысяч коней.Это об,ясняется тем,что - побросав артиллерию,пулеметы и обозы - все превратились в верховых.Корпус,однако, ввиду упадка духа - был не боеспособен."
/там-же,стр.197/.

В СТАНИЦЕ БЖЕДУХОВСКОЙ. КАЗАЧЬЯ СЕМЬЯ.

Сняв свои арьергардные - сотню казаков и пулеметы - ночью с полком вошел в станицу Бжедуховскую.Она расположена на двух берегах довольно глубокой и узкой долине-ущельи,по дну которой протекала реченка и через нее мост.
Стояла дикая темнота и грязь.Под ногами,буквально,ничего не видно и только тусклые огни из хат,определяли - и улицу и то,что это есть населенный пункт.Квартирьеры развели сотни и привели меня к полковому штабу.
Небольшой казачий домик.Маленькая керосиновая лампа плохо освещала комнаты.На столе стоит и шумит уже самовар "для штаба полка".В углу много икон и пред ними уютно теплится лампадка.
После многих и всяких тяжких дум - все это там мило и приятно душе православной.
Зайдя,я снял папаху,перекрестился на иконы и громко поздоровался с хозяевами,которых,собственно говоря,я и не вижу.Хозяюшка,в соседней комнате занята у печи для нас,а хозяин,довольно крупный чернобородый казак лет 35-40 - тихо,и с грустью,накрывал стол для гостей,помогая жене. В своей комнатушке,освещаемой свечкой - сидела,видимо,их дочка.При нашем входе,она вышла на зов отца.Я невольно остановил на ней свой взгляд.

Она барышня лет 15-16-ти.Чистенько постаничному одетая.В черной густой косе - цветные "укосники",как у украинских девушек.Брюнетка,с черными красивыми большими глазами и очень густыми черными бровями.Длинныя ресницы.Она в яркой кофточке и темной юбочке.Через дверь видна ея девичья комнатка - очень уютная,в картинках,с фотографиями и разными безделушками на стене.

Дочь,оказалось,единственной у родителей и,конечно,очень любимой.Вот я и подумал: - что-же ждет ее "завтра",и потом,при красной власти?За кого она красавица-казачка,красавица,словно черкешенка,выйдет замуж?

По нашему,по-станичному - ее должен-бы выбрать в жены лучший казачек -молодец.И гордится должен ею.Но при красных нельзя,ведь будет,гордиться "казакоманством"и,вообще,молодцеватостью!

За ужином - Надюша,почти сверстница ея,быстро подружилась с нею и потом,что-то щебетали в ея комнатке.

Бжедуховская - это была последняя Кубанская станица,где было еще так мирно и тихо,где еще не было беженцев,толчеи,голода и душу раздирающих сцен....

НЕОЖИДАННЫЙ МАРШРУТ НА ТАМАНЬ.....

Утром 9 марта,при самом восходе солнца,у восточной высокой околицы станицы,выстраивалась масса войск - 4-й Донской корпус,наш корпус и пластуны.

Стоял легкий морозец.Иней чуть-чуть покрыл прошлогоднюю жниву.Солнце мягко,неторопясь восходило где-то далеко-далеко на востоке.Через разные "перегорки" на север - далеко была видна Закубанская равнина-степь,теперь уже занятая красными.

На бугорке,северней околицы станицы - собрались все старшие начальники,до командиров полков включительно.Чего мы ждем - я не знал.Генерал Науменко был очень озабочен чем-то.

К нам,к этой группе старших начальников,подъехал верхом,на дивном гнедом кабардинце,под седлом в серебряной оправе,какой-то очень красивый генерал,одетый в шубу-черкеску,похожий на горца.Потом,генерал Науменко, на мою любознательность,ответил,что это генерал Запольский,командир нашей пластунской бригады.Он офицер генеральнаго штаба и не казак.

Я был разочарован.Если-бы мне сказали,что это есть"Начальник Черкесской конной дивизии""- это было-бы более похоже на него,на его внешний вид,но - "командир пластунов",в чоботах,по-грязи,с сидорами за спиной,а впереди них такой нарядный и красивый генерал,видом "под черкеса",на дивном кабардинце,которому позавидовал-бы любой конник - все это так не вязалось в моем представлении...

Вот тут-то,на этом курганчике под станицей Бжедуховской,мы младшие строевые начальники,т.е.штаб-офицеры,узнали,что генерал Деникин приказал - "Всем этим войскам отходить на Таманский полуостров,где и грузиться на пароходы для следования в Крым".

Генералы нашли, что до Таманскаго полуострова войска не дойдут.Красныя армии уже заняли не только что Закубанскую равнину,но заняли и этот наш Таманский полуостров.Кроме того,идти к нему надо фланговым маршем,с боями.Но как-же можно вести бои,когда все части,словно манны небесной - - ждут только случая,как-бы скорее оторнаться от противника,войти в лес, в горы,к чорту на рога и как можно скорее попасть в благословенную Грузию,где не будет уж войны,где мы отдохнем,починимся,оправимся,собьем свои ряды и только тогда уж двинемся вновь сюда,на Кубань,на Родную Кубань - для ея освобождения...

Найдя,что на Тамань идти уж очень поздно - все части двинулись в направлении станиц -Черниговской,Пшехской и дальше на юго-запад.

С повышеннаго плато у станицы Бжедуховской - мы еще раз,и в последний раз,посмотрели в далекую синеву родных Кубанских полей на север и, спустившись вниз,вошли в какое-то ущелъице,сплошь покрытое лесом.Я сразу-же почувствовал себя легко.Ну,думаю,в горах-то нам легче будет отбиваться от красных.

Прощай Кубань! . . . П р о щ а й . . . .

КАКИЕ КАЗАЧЬИ КОРПУСА ОТХОДИЛИ НА ТУАПСЕ?

Я воспользуюсь выдержками из записок генерала Науменко,который,под фамилией "В.Мельниковский",поместил их в журнале "Казачьи Думы" №19-й от 15-го февраля 1924-го года,издававшийся в Софии,Болгария.Этот печатный орган поддерживался Атаманами Дона,Кубани и Терека. Статья была под заглавием "Черноморская Трагедия".Вот что там написано:

"По директиве главнокомандующаго армиями генерала Деникина,на Туапсе должны были отходить:

1.- 4-й Кубанский конный корпус генерала Писарева, дравшийся в районе Ставрополя.

2.-2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко,прикрывавший железно-дорожный узел станции Кавказской.

3.-Группа генерала Шифнер-Маркевича,переправившаяся через Кубань у станицы Усть-Лабинской /Группа эта называлась "1-й Кубанский корпус,Ф.Е.

4.-4-й Донской конный корпус генерала Старикова,имевший задачей оборонять реку Кубань ниже Усть-Лабинской станицы.

Ставка главнокомандующаго,Добровольческий корпус,Донская армия/кроме 4-го Донского корпуса генерала Старикова/и3-й Кубанский корпус генерала Топоркова - отошли в Новороссийском направлении".

Здесь нужно немедленно добавить,что корпус Топоркова,по сдче Екатеринодара,как таковой,перестал существовать.Полки 1-й Конной/Кубанской/ дивизии и Гайдамацкой /Полтавцы и Таманцы/,самостоятельно двинулись на Туапсе,а в Новороссийске погрузились,и уплыли в Крым с Топорковым,только жалкие остатки 2-го Запорожскаго полка полковника Рудько и 2-го Уманскаго полка полковника Гамалия.

Продолжим по запискам генерала Науменко:

"Вечером,7 марта,накануне соединения 2-го и 4-го Кубанских корпусов - генерал Писарев получил,через летчика, командующаго Кубанской армией генерала Улагая,который сообщал обстановку на Новороссийском направлении и приказывал Туапсинской группе войск,переменить направление и отходить не на Туапсе,а на Тамань".

"8-го марта,вечером,в районе станицы Черниговской - соединились 2-й и 4-й Кубанские корпуса и об,единились в группу под общей командой,как старшаго,генерала Писарева.Положение на фронте Туапсинской группы к этому времени было следующее",пишет генерал Науменко:

"Части 4-го Кубанскаго коннаго корпуса тоько сегодня оставиди станицу Белореченскую и отошли на левый берег реки Белой.Правый фланг его,генерал Бабиев,оставался в районе города Майкопа.Генерал Шифнер-Маркевич, выполняя задачу разчистить путь на Туапсе - подходил вдоль железной дороги к станице Хадыжинской.

"2-й Кубанский конный корпус,2-й дивизией занимал станицу Пшехскую, имея 4-ю дивизию в резерве,в станице Черниговской.Левее,как указано выше,были части 4-го Донского корпуса.В тылусудя по частным сведениям,в районе Саратовской станицы - находился Кубанский отряд,направлявшийся с Войсковым Атаманом генералом Букретовым,на Белореченскую.

Противник наступал,главным образом,вдоль Армавиро-Туапсинской жел.дор имея здесь бронепоезда и пехоту,а со стороны Усть-Лабинской - откуда шли две кавалерийския дивизии,усиленныя пехотою".

Странно,мягко выражаясь,что у нас тогда не было бронепоездов.Все они отошли на Новороссийск и.. там брошены,вместо того,что бы часть их направить на Туапсинское направления.Красное же командование - сумело бросить свои брснепоезда с любого места на Армавир-Туапсе, так как капитальный каменный мост через Кубань у станицы Кавказской - нами не был взорван "по государственным мотивам",как мне сказали в штабе корпуса.

Там,и тогда,в станице Пшехской,мы узнали,что красная конница сделала налет на жел.дор.узел Белореченская,захватила все интенданские склады, санитарный поезд и др.тыловыя учреждения,изрубив весь персонал.

А что красное командование стремилось к этому - говорит один из пунктов их директив.Вот он:

"Поскорее захватить богатый хлебом район станиц Гиагинской и Белореченской за рекой Кубанью и этим самым,во 1-х - отрезать 2-й и 4-й Кубанские корпуса от остальных сил Кубанской армиии и во 2-х - недопустить сосредоточения Кубанцев в районе города Майкопа"/"книга"Трагедия Казачества" том 4-й,стр.294 /. Мы-же,этот свой хлебный район - отдали красным без боя.Есть о чем подумать....

По этим всем данным видно,что в Майкопском районе скопилось очень много Казачьей конницы - три Кубанских корпуса и один Донской.

Казалось бы,что на этих Майкопских хлебных равнинах - можно было дать красным отличный конный бой! Но - все корпуса устремились к Туапсе, в единственный горный лесистый проход,на единственный перевал "Гойтх" через наш Кавказский хребет.Шли в лейку с узким горлышком...

Но для этого,надо было командующему Кубанской армией покинуть свой поезд и сесть в седло,раз вся его армия отходила в Майкопский район.

Г.Н.Раковский,в своей книге "В Стане Белых",пишет: - "Поезд штаба Кубанской армии во главе с Улагаем,в это время,находился возле штаба Донской армии.Генерал Улагай,оторвавшись от своих Кубанцев в Усть-Лабе, вместо того,что-бы ехать на Туапсинское шоссе,как указывали вполне резонно в Донском штабе - прибыл в Екатеринодар и теперь держался возле штабных поездов Донской армии,не имея почти никакой связи с Кубанскими частями и не пытаясь ехать туда,что,конечно,было огромной ошибкой"./страница 192,193/.

ЧЕРКЕССКАЯ КОННАЯ ДИВИЗИЯ.

Перейдем от тяжких грустных описаний к одной приятной встречи. Поздно вечером,в полной темноте,отступаем в станицу Пшехскую.Как всегда - 1-й Лабинский полк в арьергарде.Моросит нудный мелкий дождь.В темноте неожиданно натыкаемся на хвост какой-то конницы.

"Какой полк?" окликаю.

"Хторой Черкескі коній /т.е.Второй Черкесский конный полк/,отвечает несколько голосов.

"Какая сотня?" - добиваюсь.

"Хтарой"../т.е. - вторая сотня/,отвечает уже один голос.
"Кто командир сотни?"- допытываюсь.
"Пшемаф"...- отвечает.Я сразу понял,о ком идет речь.
"Поезжай вперед и скажи,что его просит к себе командир Лабинскаго полка" - командую.
Какой-то черкес "похлюпал" по грязи,звать своего командира сотни, ротмистра Пшемафа Ажигоева.
Скоро передо мною,в широкой бурке,на рослой лошади появилась фигура и спрашивает:
"Где командир Лабинскаго полка?"
"Здравствуй Пшемаф" - откликаюсь этак ему.
"А-а!... Федя?... Здравствуй дорогой!"радостно отвечает он мне,узнав по голосу.Пожали крепко друг другу руку и идем рядом.

Пшемаф воспитанник Майкопскаго технической училища - был старше меня на два класса.Хорошей дворянской черкесской фамилии.Он и тогда совершенно чисто говорил по-русски.Милый,очень добрый и благородный был он, с которым я очень дружил и тогда,и потом,как он стал офицером.Теперь он с нескрываемой грустью разсказывает,что они,их дивизия,отступала от Ставрополя через Армавир.Проходя свои аулы - в нее влилось много необученных строю черкесов.В дивизии около 3-х тысяч шашек,но она мало боеспособна...Под станицей Келермесской она невыдержала атаки красной конницы,отступила,где погиб наш общий друг-техник,корнет Меретуков Татаршау, зарубленным... Его младший брат-красавец,стройный как тополь - был оставлен в своем Хакуриновском ауле по настоянию стариков,что бы защитить их,как отлично знающий русский язык.Но он боится за Магаджери,так-же моего друга,что он может погибнуть...

Под,ехал черкес,сказал слово "Пшемаф" и заговорил со своим ротмистом по-черкесски.Выслушав его,мой Пшемаф стал говорить ему,как я понял,что-то наставительное.Тот выслушав,оскалил в улыбку свои белые зубы и скрылся.
"Ты што ему говорил? - спрашиваю.
"Да вот,никак не могу их приучить к дисциплине... Всегда им говорю, внушаю,что при старших офицерах - они не должны меня называть по-имени, а по чину.Говорю им,что в ауле это можно,но на службе нельзя.Но они никак не могут этого понять".
И только что он закончил мне "свою жалобу",как под,ехал следующий черкес и начал словом - "Пшемаф!"...Но Пшемаф не дал ему говорить и сразу-же перешел "в нотацию"...Черкес молча выслушал и,видимо,ничего не поняв,почему их любимый командир ругает его - молча уехал.
К нему и еще обращались несколько черкесов "за чем-то",неизменно называя его только по имени.Он уже не сердился,т.к.я его успокоил,говоря, что черкесы - "дети природы... редко кто из них говорит по-русски..и им имя и слово "Пшемаф" - гораздо ближе и приятнее,чем "Господин Ротмистр".

Ч Е Р К Е С Ы У Ж И Н А Ю Т . . .

Мы в станице Пшехской.Темнота - хоть в глаз коли.На улицах грязь. Урядник,начальник ординарческой команды докладывает мне,что в доме,который отведен для штаба полка,поместились черкесы и нехотят уходить.
"Позвольте,господин полковник,удалить их силою?" спрашивает он.
Я не разрешаю и вхожу с ад,ютантом,хорунжим Косульниковым,в бедную хатенку,состоящую всего лишь из двух смежных комнат.
Хотя я и был в серебряных погонах полковника,но черкесы не только что не встали при моем появлении,но совершенно не обратили,вообще,на нас никакого внимания.Я знал,что за насилие над ними,они могли взяться за кинжалы...

Они очень аппетитно ели с одной посудины жареную баранину,беря куски ея руками.

Своим ординарцам приказал располагаться с хозяевами,а лошадей поставить в сарай.Черкесы-же обратили на нас внимание лишь тогда,когда ко мне стали приходить с докладами - дежурный-ли по полку офицер,иль еще кто,но продолжали свой ужин с большим аппетитом проголодовавшихся и уставших людей.

Ужин закончен.Масляные пальцы они вытерли о полы черкесок и встали. С лавки встал и я и подошел к ним.

"Что,вкусная баранина?" - спрашиваю.

"Очэн кусна"/т.е."очень вкусная/,отвечает старший,со щетинистою небритою бородою,с черными воспаленными глазами,но строгими,несовсем доброжелательными,если попасться ему в темноте...

"Черкесскаго полка?" - завязываю предварительный разговор.

"Да,канешна,Черкеска"... отвечает он разглядывая меня

"А какой сотни?"

"Торой"../второй/

"А-а!.. Пшемафа'" весело добавляю я.От этого слова,все они пять черкесов испытывающе посмотрели на меня.Поняв и воспользовавшись впечатление,которое произвело на них слово "Пшемаф", - говорю им уж решительно:

"Вот што мо-лод-цы... я командир полка.. эта квартира отведена мне. Вы,канешна,об этом не знали и заняли ее.Мы прибыли уставшие и голодные как и Вы.Я ожидал когда Вы окончите кушать своего барашка и не тревожил Вас...Теперь Вы окончили.Это хорошо.А теперь мы,казаки,будем кушать сво его барашка;и потом спать тут,всем тесно.Да и сотня Вашего Пшемафа расположена не здесь... Ежайте к нему... он Вам укажет - где спать.И кланяйтесь ему от меня.Он мой хороший друг",закончил я,стараясь говорить как можно яснее,что бы они меня поняли,не обиделись-бы и,конечно,скорее бы ушли отсюда.

И они поняли.Старший кивнул мне головой и своими страшными глазами, подтвердил,что я сказал правду.По-черкесски он передал своим мои слова, и они,забрав свои винтовки и сумы - вышли.А через полчаса,приходит мой урядник,глава ординарцев и весело докладывает:

"Ну,господин полковник,мы обделали этих "гололобых"/так казаки называли черкесов потому,что они брили свои головы/,будут помнить!..

"А што?"- спрашиваю.

"Да пока они ели тут свою баранину - мы вывязали все их бурки из тороков".. весело,самодовольно говорит урядник,как совершивший,будто,очен похвальное дело.

Я возмутился таким поступком своих казаков в отношении своих-же соседей черкесов и выругал урядника,а он,в оправдание,продолжает:

"Господин полковник!..да ежели бы мы зазевались и были в таком-же положении - они бы и у нас вывязали бы бурки!.. это точно!... знаем мы их Так уж лучше мы у них,у голодобых,чем они у нас" доказывает он,словно недоволен моим мнением.

Что урядник был прав "о взаимоотношениях с бурками между казаками и черкесами" - я и сам это знал не хуже его,но все-же,мне жаль было черкесов,оставшихся без бурок,что является универсальной частью одежды у всех горцев Кавказа.

"Ну,а ежели они вернуться и потребуют свои бурки?"-добавляю.

"И не вернутся и не потребуют...а то - пущай докажут,што мы их взяли!Но... бурок этих уже нет в нашем дворе.Вы не безпокойтесь,господин полковник",лукаво закончил он,начальник моих личных ординарцев....

Я так хорошо знал и черкесов и казаков "в этих вопросах",как-бы "безобиднаго и увертливаго местнаго и обыденнаго воровства",что решил - -"об этом ничего не знать".

Черкесы,действительно,за своими бурками не я в и л и с ь . . .

В СТАНИЦЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ. ДВОР ЛЕВКА ДЕЙНЕГИ. . .

9 марта, наша 2-я дивизия, выступив из Пшехской - проходила станицу Черниговскую, имея в ней большой привал. Пользуясь этим случаем - хочу навестить и посмотреть "подворье" своего друга и сверстника по Оренбургскому училищу, полковника Лев Миныча Дейнега -Кубанскаго самородка. Он годом старше меня по выпуску, т.е. окончил военное училище в 1912-м году. Окончил младшим портупей-юнкером и вышел хорунжим в 1 й Уманский полк, стоявший в Карсе.

В училище, юнкера-кубанцы, его сверстники, говорили, что он из очень бедной казачьей семьи, и, настолько, что прибыл в Оренбург, для держания вступительнаго экзамена в одном бешмете, не имея возможности купить черкеску.

В училище он признан был всеми умным, способным, с аналитическим умом. Веселый, остроумный, дружественный - он был приятен всегда "наш Левко", как называли его мы, кубанские юнкера. Маленький, сухой, жилистый - он был хорошим /но не отличным/ гимнастом и крепко, как клещук, сидел в седле, так же на небольшом сухом гнедом киргизе. Отлично знал и пел казачьи песни первым тенором. Родной язык его был Черноморский, хотя их станица и числилась в Линейном полку.

Где-то на окраине станицы я нашел "двор", где родился и жил "наш Левко". Сказание о бедности его семьи превзошло мое представление... Хворостяной низкий пошатнувшийся плетень с низкими воротами в 3-4 доски огораживал от улицы небольшую украинскую хату... за нею, в глубине двора хворостяные сарайчики, разные "катухи", базики для коров и телят и еще что-то там примитивное... Ежели бы во дворе стоял амбар, так принятый на Кубани, чем гордился всякий казак-землероб - он оказался бы здесь, при всех этих убогих постройках "собственными руками хозяина" - словно костюм с чужого плеча.

В наших богатых станицах, наличие во дворе, в центре двора, одного, двух а то и трех амбаров, "на всю длину доски", - были и гордостью и показателем, и богатства казака и его труда. Здесь-же, у вдовы Лев Миныча Дейнеги, его матери, - бедность сквозила во все дыры...

Какая-то молодица, с подоткнутым подлом юбки, как это делают наши казачки во время работы, шла по-двору. С седла окликнул ее:

"Лев Миныч дома?"

"Нетути"... отвечает.

"А где-же он?"

"Да ідесь со своим полком"...

Я неожидал застать дома полковника Дейнегу, и спрашивал машинально. Его Линейный полк, 1-й или 2-й, не знаю точно, коим он командовал еще под Царицыном в 1919 году - находился в отряде генерала Шифнер-Маркевича, двинутаго на Туапсе.

"А ты - кто-же будешь? - допытываюсь.

"Та сестра его".. уже с улыбкой отвечает и одергивает вниз подол своей юбки, предполагая, что говорящей с нею полковник, видимо хорошо знает ея брата.

"Ну, кланяйся своему брату Левку, когда его увидишь. Я с ним вместе учился в Оренбурге. Досвидания"... заканчиваю ей.

Услышав эти слова - она радостно просияла, поняв, что с нею говорит оч. близкий человек ея брата.

"Так погодить!.. Я Вам штось принесу!" выкрикнула она и побежала в один из сараев, и принесла в решетке сушеных лесных грушь. Что-бы не обидеть ее - я их взял. Груши оказались очень вкусными, сочными, сладкими,

душистыми.Со своими офицерами штаба полка - мы их с,ели все на привале.

Полковнику Дейнегу я встретил уж в горах,в глухую ночь,когда был сдан красным и город Сочи.Это была наша с ним последняя встреча.В Крыму он был произведен в генералы,был начальником одной из Кубанских дивизий на о.Лемнос.Потом жил в Болгарии,отошел от дел Войска и умер при загадочных обстоятельствах,когда красная армия вошла в Болгарию во 2-й Міровой войне.И умер скоропостижно и н е о ж и д а н н о . . .

ДОНСКОЙ ТАБУН ЛОШАДЕЙ В ЧЕРНИГОВСКОЙ.

В этой станице мы впервые увидели "трагедию Донских калмыков". На окраине ея,по бокам дороги,валялись разныя вещи их домашняго обихода - корыта,люльки для детей,деревянная посуда,разные лохмотья их одежды и несколько неуклюжих широких четыре-колесных арб...Все это привезено было ими из далеких,и неведомых Кубани,Сальских степей.Но это была "мелочь" в сравнении с тем,что ожидало их впереди...

Проходя станицу - в окраинном дворе на запад,в базу огороженным плетнем,вижу десятка два рыжих лошадей Донской породы.Они были еще в приличных телах.Несколько Донских казаков тщетно старались поймать лучших из них,но лошади никак "не давались".

"Чьи это кони?" - спрашиваю.
"Да это наш Донской табун брошеный хозяином!...вот мы и ловим их себе под седла!... да они не даются,совершенно дикия" - отвечает кто-то.

"Табун лошадей брошен"... слышу я и мне так стало жаль - и табун и хозяина.Легко сказать - "табун лошадей"... Но попробуй его "нажить!" И вот - брошен.Брошен как ненужная вещь.Табун лошадей не под силу хозяину гнеть в горы и он его "бросил"...Бросил своим врагам,идущим за нами вслед.
У меня невольно мелькнула "алчная мысль" - а не взять ли его с собою для полка?Но они "дикия",с ними много возьни... И я заглушил эту свою мысль.

"Смотрите?" - кричу Донским казакам."Мы идем последними!...Дальше будут уже красные!...
Казаки бросили ловить лошадей,посмотрели на меня и друг на друга и, бросив табун - быстро пошли к своим оседланым лошадям,привязанным к плетню.

В СТ.КАБАРДИНСКОЙ.ВОЙСКОВОЙ ШТАБ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ОТРЯД.

10-го иль 11-го марта - наш корпус вошел в станицу Кабардинскую.Здесь мы встретились с Кубанским Правительственным отрядом Кубанскаго Войскового Атамана генерала Букретова.Каков его состав - мы не знали,но говорили,что в него входили оба военныя училища - Кубанское и Софийское, все учебныя части,пластуны и учащаяся молодежь Екатеринодара.Этими частями командует генеральнаго штаба генерал-майор Морозов,а кто он - мы так-же не знали.Говорили,что он не казак,но большая умница.И в Екатеринодаре - он преподавал военную тактику.Так или иначе,но мы приободрились,что силы наши увеличились и появился хозяин Земли Кубанской,в лице Краевой и Законодательной Рад.
Впервые мы увидели здесь и гражданских беженцев из Екатеринодара.При нашем корпусе - их совершенно не было из станиц.

Я вновь бросился в розыски своего полкового экипажа с полковым адъютантом сотником Севостьяновым, в надежде, что он взял маршрут на Екатеринодар из станицы Казанской и теперь - он может быть здесь. Его не оказалось. Неужели пропали все мои самыя лучшия офицерския вещи, оружие, боевые, ордена, призовые жетоны, так дорогие для каждаго офицера?! - думаю я и .. .. мне стало безконечно грустно.

Я стою на высоком крыльце дома, выходящаго во двор. В ворота в, ехала самая настоящая казачья хозяйственная мажара "с драбинами", запряженная парой лошадей. По дну мажары, на половину ея высоты, наложено сено. На сене ковер а на ковре сидит полная дама, в шляпе, одетая совершенно по-праздничному в какое-то цветное платье. В се это так не вязалось, и с обстановкой и с тем, что пышная дама, так нарядно одетая и вдруг - сидит на ковре, на сене, на простой казачьей мажаре. Она властно распоряжается кучером-казаком. Тот слез с мажары, подошел ко мне и доложил, что "барыне нужна квартира" и они не могут ее найти.

То оказалась жена начальника Кубанского Войскового штаба, генеральнаго штаба, генерал-майора Лещенко. Лещенко был командиром 1-го Уманскаго полка в 1-й Великой войне, в Персии.

При всем уважении и к даме и к ея мужу - я не мог выселить свой полковой штаб и уступить одной персоне. И мажара выехала с нашего двора...

В ХАДЫЖИНСКОЙ СТАНИЦЕ. ГЕНЕРАЛ БАБИЕВ.

12-го марта - наш корпус отошел в станицу Хадыжинскую. Мы отходим все время без боев. Сюда уже вошла 3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева, отступившая из Майкопа.

Станица Хадыжинская была "узлом" жел. дор. лин. Армавир-Туапсе и шоссированой дороги Майкоп-Туапсе. Станица раскинута по широкой гладкой долине и по склонам гор. Возможно, что до покорения Кавказа - здесь жил какой-то Черкесский вождь Хаджи и здесь был большой аул. Здесь хорошее пересечение дорог, красивая и богатая местность. Но это мои предположения.

Расположение штаба дивизии генерала Бабиева я сразу-же определил в большом доме на южном склоне кряжа, т. к. над крыльцом параднаго входа красовался его, большого размера, флаг Войскового цвета /краснаго/ с пышным черным хвостом на нем, знакомый мне еще по Манычу весны 1919; а в доме гремел оркестр трубачей... Как часто в походах, еще с Турецкаго фронта - Коля Бабиев любил и умел иногда широко веселиться...

Со своей дивизией он отходил из Ставрополя через станицу Невинномысскую и Лабинский Отдел. К нему там присоединился дивизион Лабинских казаков в две сотни, под командой войскового старшины Козикина, прославленнаго героя во время возстаний против красны. Он из урядников.

Узнав, что сюда прибыл 1-й Лабинский, их родной и кровный, полк - Козикин, как и его офицеры иказаки - естественно, хотели влиться в ряды этого полка и обратились ко мне. Я приветствовал это. Но не тут-то было. Узнав об этом - Бабиев не только что не отпустил казаков, но и разцукал их.

Его жест мне был понятен: его дивизия была очень малочисленна. К тому же он очень любил своих Лабинцев, будучи и по рождению и по службе - коренной Лабинец. Но офицеры не хотели оставаться у него /ниже напишу об этом/ и вновь обратились ко мне. Я тогда обратился к командиру корпуса, к генералу Науменко, прося воздействовать. Науменко, видимо, об этом уже знал. Он был очень дружен с Бабиевым и просил меня "пока" не настаивать на этом и "понять Бабиева". Это была просьба со стороны ген. Науменко - я действительно - и понял и, пока, уступил.

Но некоторые офицеры и казаки перешли в мой полк самостоятельно.Главное - его станичники-Михайловцы,хорунжие - Лаптев,Диденко,Маховицкий,Лунев.Других не помню,т.к.эти четыре офицера,как-то особенно выделялись от других своею самостоятельностью,разумностью и безбоязненностью перед начальсьво.К тому -же,хорунжий Лунев был тогда станичным атаманов,а хорунжий Диденко - его помощником,т.е.по положению - казаки не подчиненные строевому начальству.

"Он и тогда нам "осточертил" своим цуканием,когда мы были урядниками в первом полку... а теперь... да и лета наши не те... а он и неперменился,хотя и стал генералом'... так мы и пришли в свой родной полк на законном основании" - сказали они мне,когда я спросл их - "Почему они,станичники,не остались у генерала Бабиева?"

Свою Михайловскую станицу они оставили в последний момент отхода наших войск.И вот - вновь в своем полку.У них на линейках запасы белой муки,соленаго свиного сала.Умные,хозяйственные были казаки.Было так приятно ото всего.А еще от того - что 1-й Лабинский полк увеличивался в своем составе и офицерами и казаками.

- . -

Я тогда впервые услышал такую оценку генерала Бабиева со строны казаков и был удивлен.К тому-же - то говорили его родные станичники.Иногда слышу это и за-границей.Я отлично знал Бабиева еще с Турецкаго фронта, когда он был сотником.В 1918 году,когда он командовал Корниловским конным полком на Кубани и в Ставрополье -будучи старшим офицером в полку и его непосредственным помощником /даже спали на одной кровати в казачьих и крестьянских хатах/- я познал его еще глубже.Его властный характер мне был знаком.Но это был отличный офицер Кубанскаго Войска,пример казачьяго молодечества.Я его любил и уважал.Но получается так,что на все его молодечество - многие казаки смотрели иначе.Оно,это Бабиевское молодечество,их ущемляло и принижало человеческое достоинство,потому что,взгляд офицера и казака на некоторыя вещи и события -имеет разность.

КАЛМЫКИ-ДЗЮНГАРДЦЫ.НАЧАЛО ГОЛОДА..ОДНА ВСТРЕЧА....

Наш корпус перебрасывается к перевалу Гойтх,который идет через Кавказский хребет и разделяет Земли нашего Войска с крестьянской Черноморской губернией.За Кавказским хребтом расположена Грузия,куда мы идем как в "обетованную землю",и это нас радовало.

Полк подходит к крестьнскому селу Елисаветпольское Кубанской Области. Шоссированная дорога ,прямою стрелою,тянется по красивой долинке.По бокам ея небольшия пашни и склоны лесистых гор.Слево,к югу,они тянутся высоко и скрываются в туманных облаках сераго дня.Полк подходит к селу. Странно бросилось в глаза то,что почти все домики,сараи и другия мелкия постройки - были "без крышь".Голо торчали в верх только одни "стропилы", почерневшие от времени.Впечатление такое,что здесь прошел сильный пожар иль вихр.

Звуки сильнаго полкового оркестра 1-го Лабинскаго полка далеко оглашают окрестность,эхом несясь вперед по неширокой долинке.На шоссе высыпало много народа.Во дворах и на улицах масса лошадей.Все село - словно разоренный муравейник.

"ДЗЮНГАРСКИЙ ПОЛК - СМИ-ИР-НО-О!... ГА-АСПАДА-А ОФ-ФИЦЕ-ЕРЫ-Н!"... вдруг я слышу команду,поданую высоким растяжным голосом и вижу красиваго калмыка-полковника,в кителе,при поясе,взявшаго "под-козырек".

Это он отдавал,положенную по уставу,воинскую честь проходящей части и полковому Знамени,идущему позади моих ординерцев.

Окинув глазом массу людей,раскинутых влево по селу - определил,что это были казаки-калмыки Донского Войска.У ног их лошадей,небрежно валялась старая полуизгнившая солома из крышь построек... Кони ее не ели.

Так вот оно что-о!...Вон оно что,и почему стоят "голыя стропилы построек"...Значит - крыши их пошли на корм лошадям?!...Значит здесь фуража нет?... Фуражный голод?!... со стахом подумал я. И мне стало очень жаль этого молодого полковника-калмыка,командира Дзюнгарскаго полка Донского Войска,трагическими событиями,из Сальских травяных степей,заброшеннаго со своим полком в голодныя Кавказския горы....

Полковой оркестр трубачей всполошил все село.Вдруг вижу выскочившаго из хорошаго дома у самаго шоссе,не разореннаго,т.к.крыша его была "под железом",как говорят у нас на Кубани,- стараго своего друга полковника Мишу Сменова и с ним какого-то,так-же,молодого полковника.Оба они в черкесках.Миша схватывает мою кобылицу под уздцы и,как всегда,быстро произносит:

"Федя!.. Обязательно зайди к нам на чай!.. Надо поговорит немножко по-душам.А это - полковник Чащевой,пластун" - представляет он мне и добавляет - "он наш".

Что значит "наш",я понял так: - это откровенный офицер,болеющий за Кубанское Войско всем своим существом - он казакоман.

Короткий привал полка,короткий чай у друзей и короткий разговор с ними,все о том - о Кубани-Матери.

Они оба отступали от Екатеринодара и служат,или числятся при Кубанском Правительстве.Они хорошо знакомы с "Кубанской политикой",немного ругают некоторых членов Рады,но в принципе - они с Радой.

Миша,однокашник по Оренбургскому училищу,соратник,и по Турецкому фронту и Корниловскому конному полку - восхищается боевыми успехами 1-го Лабинскаго полка и,по-дружески,внушает - "держать полк в руках на всякий случай"...а на какой? - я его не спросил и он мне не сказал.Но я понял - "на случай внутренне-политический".Но т.к.я в этом тогда, и не разбирался и не хотел разбираться,и был на сто верст далек от политики - ответил ему какой-то шуткой.

"Ты,Федя,не шути!... власть должна принадлежать теперь молодым!"как всегда,быстро,коротко,ответил он.

С этим я был согласен,что строевая власть,должна принадлежать молодым.В этом я твердо убедился за все годы гражданской войны,а последние бои на Кубани нашего корпуса - в особенности подтвердили это.

Дружески распрощавшись,под воинския приветствия казаков-камыков Дзюнгарскаго полка - 1-й Лабинский полк выступил к перевалу Гойтх,мощным хором трубачей умиляя сердца всех и в"безфуражном селе".

У КОСТРА ГОЙТСКАГО ПЕРЕВАЛА. . . .

Полку приказано расположиться у восточнаго начала Гойтскаго перевала.Здесь уже узкое ущелье,громоздкия горы и сплошной лес.Полковой штаб, за отсутствием построек - разместился под деревьями.Здесь не было населеннаго пункта,а стояла,на высоком пригорке,лишь жел.дор.станция "Гойтх"

Моросит мелкий нудный дождик.Падают мокрыя снежинки с неба.В природе стало холодно.У дымнаго костерчика сгрудились мы,штаб в четыре человека что-бы согреться.Едкий дым от сырых поленье - вызывает слезы из глаз.

Мы находимся еще на Кубанской земле,но уже голодаем.Казаки голодают не так сильно,но вот лошади их...у нас совершенно нет фуража.

Если человек может быть несколько дней без еды - то рабочая лошадь - она тощает очень быстро.

У казаков мяса вдостатке,но хлеба нет.А у лошадей - ни зерна,ни сена,даже нет и соломы.

Фуражиры,посланые в горы найти хоть что да-нибудь для лошадей - вернулись со снопами прошлогодних будыльев кукурузы,которыя совершенно не с,едобны для лошадей.

Моя еще не отощавшая кобылица "Ольга",участница многих атак на Манче в 1919г. и проделавшая путь "от Воронежа и до Кубани" - стоит согнувшись,и от холода и от годода.Что-бы обласкать ее - укрываю ее своею буркою,а сам сижу в одной черкесенке,что и составляет "мой командирский багаж"...Но это не скрашивает ея голод.Нет-нет,повернет она свою красивую голову в нашу сторону,к костру дымящему,и жалобно загогочит...Мне так жаль ее,как долгую боевую соратницу,но помочь ей от голода,я ничем не могу...

4-й ДОНСКОЙ /МАМАНТОВСКИЙ/ КОРПУС.

С утра 14-го марта,по шоссе,мимо нас,потянулся вверх на Гойтхский перевал 4-й Донской корпус.Мы,вначале,с любопытством разсматривали его колону,идущую "по-три",разсматривая их еще не из,езженых крупных донских коней,крупнаго роста самих казаков и их заросшия лица,мало похожия на лица наших Кубанских казаков.

Мы разсматриваем их,а они идут и идут,совершенно не обращая на нас никакого внимания,видимо погруженные в свои какия-то невеселыя думы...

Уж и обеденное время настало,а они все двигаются и двигаются вперед усталым шагом своих лошадей и,казалось,им и конца не будет.Он проходил мимо нас в течении всего дня,буквально,б е з о с т а н о в о ч н о.

Это проходил тот знаменитый "Мамантовский корпус",который заставил говорить о себе ,и красную и белую тогда Россию.

На рослых,и еще довольно бодрых своих лошадях,все в однообразных шинелях - рослые чубатые и бородатые донцы - шли ишли незадерживаясь,и шли в полном своем строевом порядке - безропотно,молча,тяжело...Это была оч. большая крнная група,вытянутая в длинную кишку,может быть на 20 верст?

Как указано выше - этот корпус имел восемьнадцать тысяч всадников,не считаю разных подвод с беженцами.

Это была "сила",строевая сила,но сильно морально надорванная.Это были настоящие сермяжные степные рыцари,ушедшие из своих разоренных мест.

Нам они говорили,что - "идут в Туапсе,где будут грузиться на пароходы,для следования в Крым.Грузиться будут без лощадей,но с винтовками и с седлами".

Мы им позавидовали.

Заметно было большое количество офицеров в рядах корпуса.Они отличались от казаков только чуть приличными лошадьми и шинелями,так-же защитнаго цвета,как и у казаков.Но весь их внешний облик и,видимо,мрачныя душевныя переживания - были тождественны с казачьей рядовой массой.

Жуткая картина.Жуткий исход.Жуткая казачья трагедия 18-ти тысячной боевой силы Донских казаков.О могущей,и возможной,трагедии нашей Кубанской армии в будущем - мы совершенно не предполагали.

На нашей станции Гойтх,остановился длинный поездной состав открытых платформ,идущий в Туапсе.На них много Донских казаков и разных неизвестных вещей.Некоторые казаки,без разрешения своих офицеров,быстро соскаки-

вали со своих лошадей,быстро снимали с них седла,быстро скользили вниз по мокрыне к поезду,остановившемуся перед тунелью Гойтх-Индюк,которая прорезывает здесь Кавказский хребет и быстро вскакивали на платформы,боясь,что поезд уйдет без них.

-т.е.до Туапсе-

"Так скорее дойдем до "Тугапса"- говорили "бежавшие",злобно улыбаясь. Никто из командного состава их не задерживал.

ОТХОДЯТ И ЧЕРКЕСЫ. ИХ ДУХОВНЫЙ ВОЖДЬ.

К вечеру,мимо 1-го Лабинскаго полка,прошел "хвост" 4-го Донскаго корпуса.И,словно для сценария,скоро показалась голова новой конной колоны. Это шел уж иной поток людей - горячих,нервных,в другом одеянии,на иных лошадях и что-то "джеркочащих" между собою на непонятном нам языке.

Здесь интересно было изучать разнообразие лиц,сплошь смуглых,чуть горбоносных,часто красивых,иных "диких",а возрастом - и средних лет,и молодых и седобородых стариков.

Шел мелкий нудный дождик,почему почти все они были в бурках,все в папахах крупнаго чернаго курпея,на небольших юрких горных лошадях.Все вооружены--при винтовках шашках и кинжалах.Они не представляли,на взгляд, силы,которая может "все сокрушить" на своем пути,но - она может,как шакалы,внезапно наскочить,все растощить и... внезапно-же и скрыться.

В рядах очень мало офицеров.Вдруг произошла остановка и прозвучал короткий револьверный выстрел.Черкесы верхами столпились где прозвучал выстрел.

Оказалось - русский офицер,коих не мало было в рядах Черкесской дивизии,ударил черкеса.Родной брат,увидев это - выстрелил в офицера,легко ранив.Вот и все.А что дальше было - неизвестно.

То проходила Черкесская конная дивизия Кубанской области,которую мы наблюдали небезинтересно,как наших ближайших кунаков,силою около 3-х тысяч коней.

За дивизией,на почтительной дистанции,показалась новая группа конных черкесов до одной сотни человек.Впереди нея, величаво, на высоком холеном коне темно-гнедой масти,шел начальник прошедшей дивизии,генерал Султан Келеч Гирей.По бокам его следуют пожилые черкесы.У некоторых бороды окрашены "хною" в ярко-огненный цвет,как знак богатства и почетности.Лица у большинства очень серьезныя и,даже,суровые.У всех винтовки на одном погонном ремне праваго плеча,дулами вниз,т.е. в любой момент готовыя к выстрелу,т.к. они,со священной бережливостью,сопровождают своего боевого и духовнаго Вождя.Моросил дождь.Все они в бурках и только один их генерал,Султан Келеч Гирей - был в темно-серой черкеске на черном бешмете.

Княжеская гордость,видимо,недопускала его прятаться то дождя и холода перед своими черкесами. На нем не было,даже,и башлыка.

Черкесская конная дивизия,из под Ставрополя - отступала через Армавир -У станицы Келермесской у нея произошел неудачный бой с красной конницей.Теперь она отходила на Туапсе.

ЖУТКАЯ НОВОСТЬ...

На второй день,1-му Лабинскому полку приказано спешно пройти Гойтхский перевал,пройти к станции Индюк,отбросить "зеленых" на север,занять "Лысую гору"на новом перевале,там переночевать,а на следующий день,спустить вниз на север и занять село Садовое,находящееся на Войсковой территории, чем и будет закрыт доступ зеленым в Туапсинский район.

За инструкциями - меня вызвал генерал Науменко.Я нашел его на жел.дор. полотне,далеко внизу от станции Гойтх.Вдвоем с командиром 4-го Кубанского корпуса генералом Писаревым - они уединенно медленно прогуливались около полотна,о чем-то говорили и были оч.серьезны,даже,мрачны.Здесь я впервые познакомился с генералом Писаревым и узнал,что он есть Донской казак.Кстати сказать - одет он был в длинную офицерскую шинель защитного цвета,и был в фуражке и без оружия.

Идя к ним,я увидел перевернутый товарный вагон с чугунным высоким коробом,приспособленный для перевозки угля.Он весь был изрешетен пулями. Меня это удивило.После получения инструкций,я спросил генерала Науменко - что это значит?.. и почему вагон не только что перевернут,но и весь изрешетен пулями? И услышал:

"То генерал Шкуро пробивал путь для армии от зеленых,которые,к нашему подходу,заняли всю Черноморскую губернию и,даже,станицу Хадыжинскую".

Это сообщение генерала Науменко были настолько неожиданы для меня, что я,как-бы,не понял всей жути,что тыл армии - находится в руках противника,почему наивно,и с удивлением,спросил:

"А как-же путь в Грузию?...Значит он закрыт?..И значит,продовольственныя базы с фуражем и продуктами для войск в Туапсе и Сочи находятся в руках зеленых?"

Генерал Науменко печально улыбнулся и скорбно,тихо,ответил: - "Ну,конечно,все это в руках зеленых... да и никаких фуражных и продуктовых баз там не было.Но генерал Шкуро уже занял Туапсе и продвигается к Сочи",все так же тихо,печально закончил он.то,чего не знали не только что казачья масса,но и мы,командиры полков.

Это было в половине дня.Выступить полку было приказано спешно,что-бы к ночи достигнуть до Лысой горы и обезпечить отступающим войскам путь к Туапсе.Для этого полку надо пересечь Кавказский хребет в двух местах - - от Гойтх до Индюка и вторично - от Индюка на север,до Лысой горы.

Экспедиция эта оказалась очень тяжелой,но интересной,как и успешной. Главное-же - полк нашел там,в селе Садовом,и фураж и продовольствие для лошадей и людей на несколько дней.Но... за это 1-й Лабинский полк,в печали,заплатил гибелью одного офицера и одного казака.Об этой экспедиции будет подробно описано в следующей брошюре.

Полковник Елисеев.

Написано в мае 1941-го года,в г.Сайгон,бывшей Французской колонии Индокитай и сокращенно выпущено в Нтю-Йорке,в июне 1963-го года.

Некоторыя заметки,как свидетельство:

1.Командир 2-й сотни 2-го Черкесскаго коннаго полка,полковник Пшемаф Ажигоев - проживает в Париже.

2.Полковник Михаил Евдокимович Сменов,казак станицы Ладожской - проживает во Франции.

3.Полковник Чащевой,казак станицы Кубанской Майкопскаго Отдела - проживает в Чехословакии.Он стал зубным доктором,женат на чешке,имеет двух сыновей инженеров,собственный дом - так разсказал мне его родной брат, так-же доктор,новый эмигрант,живший у него и потом переселившийся в Соединенные Штаты. Ф.Е.